

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

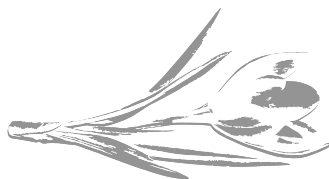
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Московские улицы умывались талой водой. Вдоль края тротуаров весело бежали ручьи, пробивая себе сквозь ледяные корки дорогу к ближайшей решетке водостока. Во дворах и по обочинам еще оставались кое-где сугробы рыхлого грязного снега, но солнце, с каждым днем все более теплое и веселое, ясно давало понять, что зима обречена. Быть может, в апреле природа еще раз-другой и выкинет фортель, нагонит холода, нахмурит небо, заметелит распускающиеся на деревьях почки — но уже не оставалось сомнений, что победа весны окончательна. Что, выйдя из офиса на перекур, из дома в магазин, из автомобиля к кассам автозаправки, люди смогут вдыхать полной грудью пронзительный, напоенный влагой и солнцем весенний воздух и до поздней осени не вспоминать, каким сочным и свежим был воздух морозный, как прекрасны были укрытые пушистым одеялом деревья и крыши и как искрились в свете вечерних фонарей медленно падающие снежинки.

Именно так думал Вилен Меркулов, когда его классический черный «Мерседес» съехал с моста у Белорусского вокзала и влился в поток автомобилей, мчащихся по Первой Тверской-Ямской в сторону центра. Сам Вилен, конечно, тоже был рад приходу весны, но в отличие от подавляющего большинства соотечественников он ничего не имел и против зимы, можно сказать, даже любил ее. Вероятно, потому, что жил в тихом коттеджном поселке у леса и озера, вдали от гололеда и грязной слякоти плохо убранных улиц и автомобильных дорог. Для Меркулова прелесть обитания в непосредственной близости с природой полностью компенсировала мелкие недостатки жизни за городом. Например, то, что дорога на каждую деловую встречу занимала минимум часа полтора, даже при самых благоприятных обстоятельствах, — и, разумеется, столько же обратно. Но Вилен считал, что это мелочи. Встречи бывали не каждый день, и назначать он их старался в удобное время, либо в выходные, либо днем, когда поток едущих на работу уже схлынет. Вот и сейчас он ехал к полудню «на адрес», как это называли его коллеги, — в квартиру возможных продавцов, живших в начале Тверской улицы. До нужного дома было уже рукой подать, и Меркулов не сомневался, что успеет вовремя — часы показывали только двадцать минут двенадцатого. Опаздывать он очень не любил, вне зависимости от того, куда направлялся и насколько важной была встреча. Тем более что в его профессии далеко не всегда можно было предугадать, насколько важна встреча и что она принесет. Меркулов занимался антикварным бизнесом, специализировался на старинной мебели — покупал ее повсюду, где мог найти, реставрировал (кое-что и собственными

руками) и продавал клиентам, число которых год от года росло. Мода на старину, начавшаяся еще в эпоху застоя, со временем не проходила, а только набирала обороты.

Историей вещей Вилен увлекся еще в юности — класса с пятого зачитывался романами *о днях минувших*, но интересовался не войнами и путешествиями, как многие мальчишки, а деталями и подробностями быта ушедших эпох. Ему всегда хотелось знать, как одевались люди в старину, как и какими вещами они пользовались, что ели и как это готовили, как работали и как отдыхали, о чем разговаривали, что чувствовали и как выражали свои чувства. После школы Вилен без особого труда поступил на исторический факультет педагогического института (тогда еще было не в обычае называть университетом каждый, даже самый заштатный, вуз) и, окончив его, быстро определился с выбором места работы. Ни педагогика, ни наука в чистом виде Вилен не привлекали, его интересовала история не написанная, история, которую хранили в себе вещи. Но в городских музеях вакансий не нашлось, и Меркулов устроился работать в Подмосковье, в одну из небольших красивых усадеб, которой после революции выпало редкое везение не превратиться в сельский клуб, приют или психиатрическую больницу, а стать музеем.

Вилену нравилась его работа. Нравилось по многу раз в день спускаться и подниматься по стесанным временем ступеням деревянной лестницы с причудливыми резными перилами, нравилось менять экспозицию, чтобы одновременно и сохранить дух былых времен, и внести что-то новое, нравилось водить по комнатам экскурсантов, увлекая и зачаровывая их своими рассказами, нравилось наблюдать, как реставратор заменяет подпорченный слой

амальгамы на старинном зеркале, и представлять тех, кто в это зеркало мог смотреться тогда, когда Вилен еще не было на свете.

К большому огорчению музейных работников, сведений о бывших владельцах усадьбы сохранилось не так уж много. Известных писателей, поэтов или художников среди них не имелось, дошедшие до наших дней немногочисленные письма и другие документы не представляли почти никакого интереса, и похвастаться чем-то вроде «в этом кресле сидел Пушкин, когда приезжал сюда в гости», экскурсоводы не могли. Так что чаще всего истории, способные оживить вещь, придать ей особый интерес в глазах посетителей музея, Вилен Петрович придумывал сам. У него был редкий дар восстанавливать и воображать по мельчайшим деталям, по каким-то крупичкам информации целые истории, которые могли бы стать увлекательной книгой или сценарием для фильма. Глядя на вещь, он словно бы видел за ней ее бывших владельцев и не только представлял себе, как они выглядели, как разговаривали, как себя вели, но и придумывал им имена и подробности биографии, сочинял целые сцены с их участием, приписывая им те или иные слова, мысли и поступки.

И порой какая-нибудь школьница, наслушавшись его рассказов о жизни в усадьбе, о балах, званых обедах, музыкальных вечерах и нарядах, мечтательно застывала перед обновленным зеркалом (реставратор потрудились на славу, и заново посеребренное стекло казалось ясным и чистым, точно гладь лесного пруда в безветренный летний день) и вздыхала, любуясь причудливым узором завитков в позолоченной раме:

— Как бы я хотела жить в то время в этой усадьбе и смотреться в такое зеркало!

— А ты уверена, что родилась бы именно помещицей? — усмеялся в ответ Вилен. — По теории вероятности, такой шанс не слишком велик. Ведь господ, которые владели всеми этими красивыми вещами, как вы сами знаете, были единицы — а основную массу обитателей усадьбы составляли их крепостные. И, родившись в то время, ты, скорее всего, тоже стала бы крепостной крестьянкой. Так что, ребята, вам очень повезло, что вы родились в Советском Союзе, при социализме. Вы живете как свободные люди в свободной, лучшей в мире стране. И вы всегда можете пойти в музей, полюбоваться на картины и другие произведения искусства, которые раньше простой человек не мог даже увидеть, если не прислуживал богачам.

Верил ли сам Вилен в правоту своих слов, был ли искренним, когда их произносил? В тот момент, конечно же, нет. Тогда среди интеллигенции было модно ругать социализм, задавивший свободу казенной идеологией. И Меркулов хоть и вырос в семье убежденных коммунистов (одно имя, данное ему родителями, чего стоило!), но тоже был недоволен советской властью, которая без раздумий сбросила с корабля истории царское прошлое и строго-настрого запретила даже упоминать имена многих поэтов, писателей, художников, философов. Поэтому, когда началась перестройка, Вилен, к тому времени дослужившийся до заместителя директора, сначала ей обрадовался. Обрадовался возможности говорить то, что думаешь, обрадовался разрешению, не таясь, читать и даже покупать Гумилева и Мандельштама и тем более обрадовался перспективам свободно ездить по всему миру.

Сначала, в эйфории, казалось, что все перемены в стране будут только к лучшему. Но очень скоро розовые очки слетели с глаз и со всех сторон посыпались всевозможные неприятности. Начались проблемы с финансированием музея, а это грозило неизбежной катастрофой, поскольку экспонаты требовали постоянного ухода и поддержки. Зарплата сотрудников, и прежде-то невеликая, совершенно обесценилась, люди стали уходить, и вскоре музей-усадьба оказался на грани вымирания. Статуи в саду отсырели и рассыпались, ценные экспонаты в хранилище покрывались плесенью, комнаты с каждым годом все больше нуждались в ремонте, который просто не на что было сделать. А вскоре и вовсе объявили, что музей закрывают – вроде бы какой-то новый русский выкупил усадьбу и собирается открыть в ней то ли ресторан, то ли казино. Директор музея, чудесная интеллигентная женщина, которой к тому времени уже было глубоко за восемьдесят, без остатка вложившая всю душу в свое детище, посвятившая музею всю жизнь, не пережила этого известия и скончалась в местной больнице от инфаркта. И тогда Вилен Петрович, воспользовавшись неразберихой и бесхозностью, спас что мог из экспонатов у себя на даче. Не то чтобы присвоил – официально списал за негодностью. А сам связался с краснодеревщиками и реставраторами, благо таких знакомств у него было немало, и на свои деньги, полученные от продажи бабушкиной квартиры, привел в порядок старинную мебель. Что-то оставил себе, а на остальное нашел покупателей-нумовришей, решив, что все-таки у хозяев старинные вещи будут сохраннее. Так Вилен Меркулов переквалифицировался из научного сотрудника в антиквары.

Списанного музейного имущества хватило ненадолго, но он не собирался останавливаться. Знал — по всей стране существуют еще десятки таких заброшенных музеев и музейчиков. И еще больше старинной мебели хранится в домах, у хозяев, которые не знают ее стоимости, да просто и не в состоянии ее оценить. Ведь только специалист может определить степень ценности и сохранности вещи и понять, стоит ли возиться с реставрацией. Да и ни к чему многим современным людям старинная мебель, не будут обитые тканью кресла на гнутых ножках в стиле какого-нибудь Людовика или инкрустированные мозаикой столики смотреться в интерьерах, выполненных в стиле хай-тек или модерна-минимализма. Хозяевам гораздо выгоднее продать старую вещь и обзавестись на вырученные деньги современной обстановкой.

Меркулов начал ездить по квартирам и частным домам и не только рассматривал выставляемую на продажу мебель, но и расспрашивал об ее истории. Вилен Петрович особенно ценил вещи, о которых прежние владельцы могли рассказать что-то интересное, особенное, самобытное. Так выяснилось, например, что круглый обеденный стол середины XIX века стоял в квартире, где неоднократно собирались члены одного из самых заметных марксистских кружков. Круглый стол хорошо продался, ведь в придачу к нему шла старая фотография — групповой снимок тех, кто чаевничал за этим столом, ведя бурные революционные диспуты. И хотя самые известные лица в кадр не попали, но уже тех, кто оказался на снимке, вполне хватило, чтобы придать вещи исторический ореол, а значит, существенно повысить ее стоимость. Помогли в этом и рассказы Вилена, который так живо описывал покупате-

лям посиделки за чайным столом, вплоть до мельчайших деталей и пересказа речи участников, будто и сам присутствовал на тайных собраниях кружка.

Минули девяностые, началось новое тысячелетие, клиентура Меркулова почти полностью поменялась. Кто-то разорился, кто-то уехал за границу, были и те, кому друзья поставили роскошные памятники на престижных кладбищах. Вилену повезло — он избежал или почти избежал многих опасностей периода дикого капитализма, удержал бизнес на плаву и уверенно шел в гору, удачно воспользовавшись непроходящей модой на традиции, антикварную мебель и дворянских предков. И так как исполнял он это дело с любовью, оно принесло ему успех. В свои неполных семьдесят лет Меркулов был довольно состоятельным человеком. Конечно, не настолько, чтобы покупать острова и футбольные команды, но он мог позволить себе содержать хороший загородный дом, менять раз в несколько лет автомобиль и путешествовать по миру.

На встречу, которая должна была состояться в полдень, Вилен особых надежд не возлагал, и, как вскоре выяснилось, интуиция его не подвела. «Кровать восемнадцатого века», которую так старательно хваливали ему по телефону, оказалась новоделом конца XX — пусть качественным, итальянским и дорогим, но новоделом — и потому ничем не могла заинтересовать антиквара. Простившись с огорченными клиентами, Вилен, тоже слегка разочарованный, вышел на лестничную площадку и заглянул через раскрытую дверь в соседнюю квартиру. Ее, похоже, готовили к ремонту: по опустевшим комнатам бродили рабочие в спецовках, что-то измеряя и бурно обсуждая. Обои

со стен были кое-где оторваны, а на полу валялся разный мусор, который обычно остается после переезда.

Вилен тут же сделал стойку, точно охотничья собака, почуявшая дичь. Кому, как не ему, было знать, что такие покинутые хозяевами квартиры и дома могут стать настоящим кладезем ценнейших вещей. При внимательном рассмотрении в них может обнаружиться все что угодно, от выброшенных писем знаменитостей до завалившихся куда-нибудь ювелирных украшений.

Не удержавшись от соблазна, Меркулов зашел в квартиру и с независимым видом прошелся по комнатам. Занятые своим делом рабочие даже не сразу обратили на него внимание. За это время Вилен успел осмотреться и мгновенно заметил стоявший в одной из комнат массивный шкаф, трехстворчатый, огромный, метра три, если не больше, в длину.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы определить и назначение, и примерный возраст вещи. Это явно был гардероб, шкаф для одежды, и явно старинный. Сейчас таких не делали — зачем современным людям в современных квартирах столь громоздкое чудище? Слишком высокий для потолков в обычных домах, такой войдет разве что в сталинку, подобную этой, в частный коттедж, построенный по индивидуальному проекту, или в какие-нибудь баснословно дорогие апартаменты. Да и по остальным параметрам шкаф был велик для стандартных домов, в иных малогабаритных квартирах он мог бы занять и добрую половину комнаты — и то если бы поместился. По резным элементам, украшавшим дверцы, можно было предположить возраст гардероба — где-то конец XIX века, может быть, самое начало XX. Хороший сорт

древесины угадывался даже под темным лаком, и после более внимательного осмотра Меркулов сделал вывод, что шкаф не российского производства. Скорее всего, его изготовили в Германии или Австрии. Что ж, ничего удивительного в этом не было, в конце войны и сразу после нее в Москву попало немало подобных вещей — в качестве трофеев. Многие из них неплохо сохранились до сих пор, и этот шкаф, похоже, был из их числа. Он требовал небольшой реставрации, но явно не столь значительной и дорогостоящей, чтобы пожалеть на нее средств. Впрочем, хозяева гардероба, очевидно, так не считали, раз не взяли шкаф с собой. Однако антиквару это было только на руку. Если, конечно, шкаф действительно бросили, а не оставили поджидать перевозки — на новую квартиру или в мастерскую такого же, как Меркулов, реставратора.

Торопясь разрешить проблему, Вилен отыскал среди рабочих прораба, переговорил с ним и, к своей величайшей радости, выяснил, что шкаф действительно предназначался на выброс. Новый хозяин квартиры купил ее вместе со всеми оставшимися от прежних владельцев вещами, «барахлом», как выразился прораб, и дал команду перед началом ремонта выкинуть все без разбору. Так что предложение Меркулова забрать шкаф (тем более подкрепленное материально) было встречено рабочими «на ура», поскольку освобождало их от необходимости ломать старинный гардероб и вытаскивать его из квартиры по частям, что они и собирались сделать в ближайшее время. Целиком такая махина, конечно же, не поместилась бы ни в один контейнер для мусора.

Вилен, все еще не веря своей удаче, спешно вынул мобильный и набрал номер помощника.

— Юрий, я тут одну вещь нашел... Шкаф. Скорее всего, конец девятнадцатого века. Австрийский или немецкий. Добротный. Дерево хорошо обработано и отлично сохранилось, только задняя стенка поцарапана. Да, хочу забрать, так что нужна большая машина как можно скорее и грузчики. Шестеро, не меньше, шкаф огромный и наверняка тяжеленный. И в лифт не войдет, это точно. Да, на том самом адресе, на Тверской. Хорошо, жду.

Благодарно кивнув рабочим и пообещав скоро вернуться, Меркулов вышел из квартиры и спустился на первый этаж в чистенький, весь заставленный разными комнатными растениями холл. За стеклянной перегородкой читала книгу приятная женщина лет шестидесяти с небольшим. На консьержку Вилен обратил внимание сразу, как только вошел в подъезд, направляясь в квартиру несостоявшихся клиентов, — чуть полноватая, симпатичная, опрятная, скромно одетая, с аккуратно зачесанными назад седыми волосами. Меркулов подошел к ее окошку.

— Сударыня, — проговорил он (это обращение Вилен уже много лет использовал при общении с разными женщинами, и им оно неизменно нравилось), — мне придется отнять еще немного вашего драгоценного времени. Вскоре сюда приедет машина забрать кое-какой груз, и я попрошу вашей помощи, чтобы мой транспорт мог заехать во двор.

— Это вы из тринадцатой квартиры что-то увозите? — уточнила консьержка, которая, как оказалось, помнила, к кому он пришел.

— Нет, из четырнадцатой, — отвечал Вилен. — Там, как я понял, готовятся к ремонту, старые вещи выбрасывают.

И мне милостиво разрешили забрать кое-что из предназначенного на свалку.

— И что же именно? — любопытствовала женщина.

— Старый массивный шкаф, — не стал скрывать Меркулов. — Хозяевам он, судя по всему, не нужен.

Реакция собеседницы показалась ему несколько неожиданной. Женщина вскинула брови и с удивлением и, похоже, даже некоторым волнением проговорила:

— Шкаф? Тот самый?

— В каком смысле «тот самый»? — не понял антиквар.

— Ну, это долгая история... — немного смутилась его собеседница.

Эти слова весьма и весьма заинтересовали Вилену. У этого шкафа есть еще и история? Это любопытно. Хорошо бы ее узнать... Потому что, если история окажется стоящей, это сразу существенно повысит продажную стоимость шкафа.

— А я никуда не тороплюсь, — с готовностью заверил он. — И с удовольствием вас послушаю. Поверьте, для меня нет ничего интереснее, чем истории вещей. Знаете, на Западе сейчас мода такая — на вещи с историей. Люди покупают не просто безмянный старинный шкаф или стул, а особенную вещь, которой пользовались если не известные, то, по крайней мере, интересные люди с интересными судьбами...

Консьержка кивнула:

— Да, я слышала об этом, в передаче по телевизору говорили. Не скажу, что я в восторге от того, что у нас сейчас с Запада слепо перенимают все подряд. Но эту моду считаю полезной. Может, наконец и у нас научатся ценить свое, родное. Не все же на границу оглядываться...